

Е.П. Педчак

«Как часто пестрою толпою окружен...»

В стихотворении «Как часто, пестрою толпою окружен...» Лермонтов сталкивает светлую мечту и праздничный шум новогоднего маскарада. Образ маскарада вообще и в романтизме в особенности необычайно важен, поскольку заключал в себе большие художественные возможности. Маскарад служил символом современной жизни, ведь под маской скрывается подлинная сущность. Надо только снять покров, и обнаружится истинное лицо. Поэт-декабрист А. Одоевский, которому Лермонтов посвятил знаменитое стихотворение «Памяти А.И. Одоевского», увидел на балу вместо кружащихся и летящих пар «сборище костей». Чацкий в комедии Грибоедова «Горе от ума» — холодную и бездушную толпу. Мотив маскарада помогает зрительно представить одиночество поэта в чуждой сфере, где только одно лицо непременно остается без маски и выглядит несколько странным на фоне всеобщего веселья.

Обычно в романтической лирике герой независим от маскарадного мира. В стихотворении «1-е января» поэт погружен в стихию маскарада, в шум толпы. Маскарад вошел в его мир и внешне подчинил себе («когда касаются холодных рук моих...», «наружно погружаясь в их блеск и суету...»). Однако внутренний мир поэта сохраняет самоценность.

Вся композиционная структура стихотворения отражает эту раздвоенность. Конфликт между идеалом и действительностью в сознании поэта усугубляется невозможностью вырваться из маскарадной сферы. По контрасту с шумным, веселым, блестящим, суетным маскарадным миром идеал поэта внешне невыразителен и даже беден: запустение («сад с разрушенной теплицей», «зеленой сетью трав подернут спящий пруд»), покой, тишина — вот его признаки. Любопытно, что в воспоминании о «старинной мечте» сосредоточены все главные мотивы лермонтовских идеальных представлений. Строка «лечу я вольной, вольной птицей» обращает нашу память к «Желанию» и «Узнику». Лермонтов видит себя ребенком — и в этом также знакомое желание возвратиться к первоначальной чистоте детского сознания, нетронутого цивилизацией. Описание «родных мест» воскрешает идиллические настроения, связанные с патриархальным поместным бытом. Наконец, волнующий образ любимого «создания» с первой робкой любовью и естественной простотой горячего и чистого чувства. Если «толпа» лишена своеобразия — бездуховна, «пестра», неразличима ни в красках, ни в звуках, которые в ней притушены:

При диком шепоте затверженных речей,
Мелькают образы бездушные людей,
Приличьем стянутые маски,

то «старинная мечта» наполняется конкретными и точными образами («зеленая сеть трав», «спящий пруд», «темная аллея», «вечерний луч», «желтые листья», «лазурный огонь глаз», «розовая улыбка молодого дня»). Идиллическое воспоминание оказывается куда более предметным и многоцветным, многообразным, нежели реальная действительность, несмотря на ее шум, блеск, показную веселость. Лермонтов стремится представить идеал реальнее данных обстоятельств и пережить его как нечто существующее сейчас, хотя дает почувствовать, что это лишь мечта одинокого, заблудившегося сознания, горестный обман, за разрушение которого он готов дерзко мстить «железным стихом».

«Старинная мечта» скована бездушным миром. «Всесильный господин» владеет своим «дивным царством» не наяву, а в мечте, постоянно разрушаемой «под бурей тягостных сомнений и страстей». Противоречие между толпой и поэтом переключается в план трагической коллизии внутри личного духовного мира. Но оно обусловлено зависимостью поэта от ненавидимой и презираемой бездуховной реальности. Царство

маскарада и «дивное царство» мечты в их конфликте не существуют как независимые и отгороженные друг от друга китайской стеной, а именно в этом взаимно противоречивом качестве образуют единство личного сознания. Эта противоречивость воплощена в итоговом и самом важном образе «свежего островка» «среди морей». Здесь в сжатой, лаконичной форме сравнения заключена вся трагическая коллизия стихотворения «1-е января». «Свежий островок» окружен изменчивой стихией морей, скован ею, но стихия не может уничтожить его, и он «безвредно цветет». Образы моря и островка проясняют смысл стихотворения и дают ключ к пониманию его строения. Начинаясь горькой нотой, стихотворение заканчивается гневной инвективой. Светлая мечта, поэтический идеал, представший в идиллических картинах, окутаны контрастными, противоречивыми настроениями горечи и гнева. Сюжетно-композиционное строение стихотворения воспроизводит эту скованность «мечты» чуждой ей и враждебной стихией. Уже в начальной строке подчеркнута исходная ситуация — «как часто, пестрою толпою окружен...» В дальнейшем образ скованности и контрастный ему порыв к свободе пронизывают всю поэтику, прямо закрепляясь в центральном противоречивом образе моря, окружающем цветущий островок. Подобно тому как подлинное лицо скрыто за обманчивой внешностью маскарада, подобно тому как «старинная мечта» живет во внешне бесстрастном облике героя, так и идеальные воспоминания и представления окружены всепоглощающей жизненной бурей. Невозможность вырвать мечту из плена враждебной жизни, невозможность самого поэта вырваться из «пестрой толпы» находит образное выражение в уподоблении их «свежему островку» «среди морей». Образ мятежной морской стихии непосредственно ассоциируется с жизненной бурей, которая постоянно грозит идеалам человека и мешает их свободному проявлению. Точно так же людская толпа грубо вмешивается во внутренний мир героя, превращая «старинную мечту» в «обман» и вызывая беспощадный гнев героя, мстящего толпе «железным стихом» за поругание мечты, за бессилие идеальных стремлений.

В стихотворении «уже заключен мотив бессилия, которое не может преодолеть проснувшееся гражданское сознание, заблудившееся в противоречиях бытия. Но желание вырваться из тисков противоречий, преодолеть разлад между собственными чувствами настолько велико, что лермонтовский герой бросает дерзкий вызов светской черни, вкладывая в свой стих энергию затаенного порыва:

О, как мне хочется смутить веселость их
И дерзко бросить им в глаза железный стих,
Облитый горечью и злостью!..

Эмоциональности лермонтовского стиха содействуют также переносы конца фразы из одной строки в другую.

Сюжетное строение стихотворения демонстрирует восстание оскорбленного сознания против гонителей идеальных мечтаний. Мысль все время кружится в плену жестоких противоречий и, наконец, находит выход в откровенном и оскорбительном стихе, упиваясь возможностью «дерзкого» мщения. Вынужденность духовного рабства, маскарадный костюм бесчувствия, облекающий пламенную душу, жаждущую свободы и гражданской деятельности, подлинной любви, человеческого участия и братства, образует новую антитезу, заставляющую доискиваться до истинных причин, порождающих жалкое и трусливое сознание, способное лишь на скепсис, на сомнение, но не вступающее в борьбу за свои идеалы.

Особую энергичность стиху придают используемые здесь поэтом мужские рифмы.